

Глава 7. Поручение

Ли Мэн очнулся от тупой боли в затылке. Мысли ворочались лениво и тяжело, словно после бессонной ночи. Перед глазами все плыло. Когда зрение немного прояснилось, он понял, что намертво привязан к тяжелому деревянному стулу, а прямо напротив сидит женщина.

Ее руки от ладоней до самых локтей стягивал плотный черный креп, а темно-пурпурные одежды у ворота приоткрывали вызывающе-алую кайму.

Плеть, лежащую рядом на столе, Ли Мэн узнал бы из тысячи. Лицо женщины не скрывала маска, и она оказалась куда моложе, чем он себе представлял. Ее изящные губы пламенели сочным, спелым цветом.

Заметив, что пленник пришел в себя, женщина неторопливо взяла с тарелки кусочек лакомства. Она принялась медленно жевать, пристально рассматривая Ли Мэна, и лишь спустя долгое время заговорила:

— В прежние годы мой шисюн славился столь диким и нелюдимым нравом, что все в Башне были уверены: он уйдет в могилу одиночкой, так и не заведя учеников.

«Надо уносить ноги».

Мысли в голове Ли Мэна все еще двигались лениво и тяжело, путаясь в тугой клубок. Впрочем, рассудил он, захоти она его прикончить — прирезала бы еще тепленьким, без лишних церемоний. Чуть ослабив внутреннюю пружину страха, он хмуро выдавил:

— Врешь. Учитель говорил, что у него нет никакой шимэй.

— Мало ли что он болтал. Теперь это не имеет значения. — Сяо Чанчу небрежно извлекла из широкого рукава короткий бамбуковый футляр толщиной с палец.

Ли Мэн напрягся и попытался высвободить руки, но грубая веревка держала намертво. Стоило ему дернуться, как ножки стула со скрипом поехали по полу.

— Запомни: меня зовут Сяо Чанчу. Если ухитришься не сдохнуть в ближайшее время, я, пожалуй, помогу тебе завершить пару твоих дел. — В ее голосе, как и в ленивой полуулыбке, сквозило полнейшее равнодушие.

В комнате царил полумрак. Ли Мэн видел лишь сидящую перед ним женщину, но не мог ручаться, что в темных углах не притаился кто-то еще.

«Молчи, целее будешь».

Но язык у него так и чесался.

— И откуда тебе знать, чего я хочу?

Сяо Чанчу мазнула по нему взглядом и, потянувшись к блюду, поднесла к его губам еще один кусочек лакомства, безмолвно приказывая открыть рот.

Ли Мэн послушно подчинился. Убедившись, что его жизни пока ничто не угрожает, парень окончательно расслабился.

— Считаешь угощение прямо из моих рук и даже не боишься. Кажется, шисюн действительно ни словом обо мне не обмолвился, — с тихой самоиронией протянула она.

На языке разлилась нежная каштановая сладость — это были знаменитые пирожные из ресторана «Превосходный вкус». Ли Мэн почувствовал, как к горлу подкатывает волна нелепой обиды:

— Это же мои каштановые пирожные! Мне их трактирный малый притащил. С чего это ты лопаешь их без спросу?

— Я спрашивала, вообще-то. Но ты был без сознания, — с самым невинным видом отозвалась Сяо Чанчу.

—... — Ли Мэн выразительно промолчал, покосившись на возвышающуюся гору пирожных на блюде. — Ладно, давай еще одно. У меня со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

Сяо Чанчу сжалилась, взяла тарелку и придвинулась ближе. Отламывая кусочки и отправляя их в рот пленнику, она с усмешкой спросила:

— Твой учитель тебя совсем голодом морит?

— Да плевать ему на меня. — Ли Мэн быстро зыркнул по сторонам, соображая на ходу. — И даже не думай шантажировать его моей шкурой. Учитель меня и за человека-то не считает. Ему вообще ни до кого дела нет. Захочешь обменять меня на то, что тебе нужно, — так он, чего доброго, сам меня прирежет, чтобы под ногами не путался.

Он не врал. Действительно верил в каждое свое слово.

Сяо Чанчу тихонько рассмеялась:

— Ты просто совсем его не знаешь.

Ли Мэн с недоверием прищурился:

— А ты, выходит, знаешь?

— Он хороший. Просто вокруг одна тупизна, вот шисюн и не тратит время на пустую болтовню, — Сяо Чанчу тоже взяла кусочек лакомства, медленно разжевала его и тихо, тоскливо вздохнула.

— Брось ты это дело, не чахни по нему, — не выдержав, буркнул Ли Мэн.

Сяо Чанчу лишь непонимающе захлопала ресницами.

Сейчас, когда она сидела совсем рядом, Ли Мэн разглядел ее как следует. Сяо Чанчу была чертовски хороша: точеное узкое личико, вольные, манящие повадки и безупречный изгиб алых губ, точь-в-точь лепестки водяного ореха. Ли Мэн поймал себя на странной мысли — перед ним сидела писаная красавица, а на душе у него было пусто и спокойно, как на кладбище.

«Старею, видать».

Ли Мэн мысленно хмыкнул и продолжил расспросы:

— Учитель твердо заявил, что за всю жизнь ни одной бабе не позволит надеть на себя хомут.

Сяо Чанчу лишь озадаченно склонила голову набок.

Ли Мэн сглотнул вязкую слюну и снова пугливо огляделся по сторонам.

— Ты сама сказала, что лишних ушей здесь нет?

Не дожидаясь ответа, он придвинулся ближе и заговорщически прошептал:

— Учитель мой... по мужской части балуется. Мужиков он любит.

—... — Сяо Чанчу застыла. На ее лице промелькнуло горькое понимание — мол, «так я и думала». Взгляд мгновенно потух. Она молча вернула пирожное на блюдо, и по ее колючему виду стало ясно: продолжать эту милую беседу ей больше не хочется.

Она перевернула бамбуковый футляр в ладони и легонько постучала пальцем по деревянной крышке.

— Знаешь, что внутри?

«Да откуда мне знать, черт бы тебя побрал!»

Ли Мэн мысленно взвыл, но вслух спросил с каменным лицом:

— Что?

Сяо Чанчу принялась медленно разматывать черный креп. Только теперь Ли Мэн разглядел, что ленты скрывали ее руки до самых локтей. Под ними багровели и синели две толстые, вздувшиеся вены, извивающиеся по коже до самых ладоней, словно уродливые корни.

— Ты отравлена? — невольно вырвалось у него.

— Яд? — Сяо Чанчу коснулась тонкими пальцами синей полосы. Стоило ей прикоснуться, как жила под кожей бешено запульсировала, словно живой паразит. Лицо женщины тут же залил болезненный румянец, а на лбу выступила мелкая испарина.

— Что это... за мерзость? — Ли Мэн похолодел от ужаса. Его небогатых познаний не хватало, чтобы объяснить происходящее, и теперь ему стало по-настоящему страшно.

— Это гу — ядовитый паразит, помогающий держать людей на коротком поводке. Впрочем... — Сяо Чанчу легонько потрясла бамбуковую трубку. — Твоя тварь попроще. Внутренней энергии у тебя с гулькинос, так что тратить на тебя редких и дорогих червей никто не станет. Они, знаешь ли, в копеечку влетают.

Ли Мэн попытался отодвинуться вместе со стулом, но ножки жалобно скрипнули по каменным плитам.

— Чего затрясся? Жизнь у тебя никто отбирать не собирается. Ты же меня не боялся, м? — Сяо Чанчу принялась неторопливо наматывать черный шелк обратно на предплечье.

— Кто... кто сказал, что я не боюсь!

— Жалкое зрелище, — презрительно фыркнула она. — С такой заячьей душой даже не смей заикаться, что ты ученик самого Цюнци.

Перед мысленным взором Ли Мэна на миг промелькнул оскал Цюнци, вытатуированный на ладони Чжао Лои. Но видение растаяло быстрее, чем он успел его осмыслить — палец внезапно пронзила острая, жгущая боль.

— Матушка моя! А-а-а! — взвыл парень дурным голосом.

Не обращая внимания на его вопли, Сяо Чанчу вытряхнула из бамбукового футляра жирного паразита, который упрямо не желал вылезать на свет.

Ли Мэн судорожно сжал кулаки, но в тот же миг получил сокрушительный удар под дых. В глазах полыхнуло багровым, дыхание перехватило. Когда он пришел в себя, все уже было кончено.

— Ты... ты же моя шигу! — хрипел Ли Мэн, утирая выступившие от боли слезы. — Разве родственники так поступают?!

— Вот именно. Будешь делить с шигу все невзгоды.

Вспомнив, что руки самой Сяо Чанчу тоже источены ядом гу, Ли Мэн мгновенно прикусил язык.

Щелчком пальцев Сяо Чанчу рассекла веревки. Путы лопнули и соскользнули на пол. Растирая затекшие запястья, Ли Мэн хмуро спросил:

— Ладно. Чего тебе от меня надо?

— А я-то думала, придется битый час тебя уговаривать. Шустрый ты малый, соображаешь на ходу, — Сяо Чанчу покачала головой, но на сей раз одобрительно.

— Знаю, знаю! Рылом я не вышел для твоего ненаглядного шисюна, и сам ума не приложу, какого хрена он со мной связался, — в сердцах выпалил Ли Мэн, решив пуститься во все тяжкие. Терять-то уже нечего — тварь заползла под кожу. — Так что не строй иллюзий на мой счет. Я у него два года в хвосте плетусь, а он мне даже захудалого приема не показал. Если задумала что-то сложное — ищи другого дурака, я только все испорчу.

— Сложное? — переспросила она.

— Ну, например, прирезать учителя...

— Надо быть круглой дурой с выеденными червями мозгами, чтобы надеяться, будто ты сможешь его хотя бы оцарапать, — Сяо Чанчу мгновенно помрачнела, вся ее игривость испарилась.

— Тогда выкладывай, чего ты хочешь, — Ли Мэн придвинул к себе блюдо с каштановыми пирожными, бесцеремонно закинул ногу на ногу и принялся жевать, не сводя с женщины настороженного взгляда.

— Не выношу сладкое, — поморщилась Сяо Чанчу. — Слушай меня внимательно: твоя задача — крутиться около Чжао Лои и не вызывать подозрений. Скоро он отправится в Фэнъян, в Поместье семьи Ван, чтобы отыскать там одну вещицу. Или, возможно, он сам ее туда спрятал. В общем, будь начеку.

— Что за вещь? — как бы между прочим поинтересовался Ли Мэн, хотя у него внутри все похолодело.

«Неужели та самая диковина, про которую расспрашивал Хо Ляньюнь? Что же это за сокровище такое, на которое все слетаются как мухи? Может, прибрать его к рукам при первой возможности...»

— Свиток Сотни Оружий, — буркнула Сяо Чанчу. Ей явно претил простецкий вид и увертливость Ли Мэна. Она до сих пор не понимала, чем руководствовался Чжао Лои, когда брал этого проходимца в ученики.

— А на кой он сдался? — брякнул Ли Мэн и тут же почувствовал, что кусок пирожного встал поперек горла.

Сяо Чанчу не сделала ни движения, но от нее повеяло такой леденящей жаждой убийства, что у парня перехватило дыхание. Он сидел не живой не мертвый, скованный первобытным страхом. Лишь когда морок рассеялся, он судорожно сглотнул и зачастил:

— Да я просто к слову! Если ты мне не объяснишь, что это за штуковина, я ведь и перепутать могу. Притащу тебе не то — сама же локти кусать будешь.

Сяо Чанчу легонько подергала едва заметный шнурок, обмотанный вокруг ее указательного пальца. Тонкая нить была настолько невзрачной, что Ли Мэн даже не догадывался о ее существовании. Где-то в глубине дома тихо звякнул колокольчик, и часть каменной стены беззвучно ушла вниз. Окажись кто-то снаружи, он ни за что бы не догадался, что за глухой кладкой скрывается потайная комната.

В проеме показались двое мужчин в глухих черных одеждах. Один из них бережно держал несколько бумажных свертков, перевязанных бечевкой. Ли Мэн сразу признал упаковку из ресторана «Превосходный вкус».

— Забирай свои сласти. Тут каштановые, сливовые и кунжутные пирожные. Угостишь учителя, — велела Сяо Чанчу.

Ли Мэн решил не искушать судьбу расспросами. Сквозь открывшуюся каменную дверь виднелся тихий, заброшенный внутренний дворик.

— Иди, — бросила Сяо Чанчу.

Он успел сделать всего пару шагов, когда за спиной раздался дикий, утробный вопль — протяжный, полный такой невыносимой муки, какую не в силах издать ни одно живое существо перед лицом обычной смерти.

Один из безмолвных стражей в черном судорожно сдавливал собственную глотку. Его широкий рукав сполз к локтю, открывая взору багровую, вздувшуюся жилу. Руки несчастного скрючились в диком изломе — казалось, он с каким-то яростным упорством душит сам себя.

Прошло всего несколько секунд, и бедолага рухнул на земляной пол. Из его глаз, ушей и рта толчками хлынула густая черная жижа.

«Яд?»

Ли Мэн испуганно отшатнулся на два шага.

— Подойди и посмотри, что из него лезет, — холодно приказала Сяо Чанчу.

Сглотнув вязкую слюну, парень замер на месте. Бежать было бессмысленно: против ее плети у него не было ни единого шанса. Покорившись неизбежному, он осторожно опустил на корточки и кончиком пальца повернул к себе лицо покойника.

Черные струи, сбегавшие по щекам мертвеца, вдруг зашевелились. Одна из них сползла на пол и проползла немного вперед, прежде чем замереть.

Ли Мэн пригляделся, и у него по коже побежали мурашки: это была вовсе не кровь. По лицу трупа копошились крошечные черные черви, и их было множество. Сам страж лежал неподвижно, не подавая признаков жизни.

— Насмотрелся? Теперь убирайся, — ровным голосом произнесла Сяо Чанчу.

Когда Ли Мэн вышел за ворота усадьбы, перед ним раскинулась оживленная главная улица Юнъяня. Он воровато задрал рукав: багровых полос на руке еще не было, но в самом сгибе локтя отчетливо виднелась маленькая пунцовая точка.

В голове царил полнейший хаос.

«Если дать заднюю и послушаться эту ведьму, мерзкий червяк прикончит меня без шума и пыли. Но сдохнуть вот так... Мать божья, ну и пакость!»

Ли Мэна передернуло от мысли, что из его собственных глазниц ползут склизкие черные твари.

«Но и плясать под дудку Сяо Чанчу — чистой воды самоубийство. Чжао Лои собаку съел на мокрых делах, чутье у него звериное. Засечет малейшую фальшь — и поминай как звали».

Ли Мэн не слишком дорожил своей шкурой. Умереть — дело нехитрое, куда проще, чем жить. Но кто тогда поквитается за гибель его рода? Кто отомстит за Ли? Парень сердито тряхнул головой, отгоняя воспоминания об отце.

Разозлившись на весь белый свет, он со всей силы пнул стоявшую у обочины плетеную корзину с мусором. Та с грохотом повалилась, засыпав мостовую гнилью.

— Мяу...

Из-под кучи прелых капустных листьев неторопливо выбрался ободранный кошак. Один его глаз был желтым, другой — пронзительно-голубым. Кот замер и уставился на Ли Мэна долгим, оценивающим взглядом.

Они молча мерили друг друга взглядами с минуту, пока Ли Мэн наконец не сдался. Тяжело вздохнув, он поплелся в сторону постоянного двора — если задержится еще дольше, это точно вызовет подозрения у учителя.

Своих врагов не наказал, зато в чужую навозную кучу вляпался по самые уши. Проклиная свое вечное невезение, Ли Мэн заметил впереди покосившуюся крышу даосского храма.

«Да ну его».

В детстве он усердно расшибал лоб перед местными идолами, да и имя ему дал один заезжий даос с козьей бородкой — много ли толку вышло?

Он вернулся на постоянный двор, где его ждал Хо Ляньюнь. Вытащив кошель, который тот дал ему на расходы, Ли Мэн выложил на стол свертки:

— Вот ваши каштановые, сливовые и кунжутные пирожные.

— Твой учитель обожает кунжутные, — улыбнулся Хо Ляньюнь, перебирая сласти. — Неси их ему.

Он разделил свертки и отправил Ли Мэна к Чжао Лои с кунжутными и каштановыми пирожными.

На дворе уже сгущались сумерки. Чжао Лои мазнул равнодушным взглядом по принесенным сверткам и коротко бросил:

— Скоро ужинать сядем. Иди мой руки.

Ли Мэн послушно побрел к умывальнику. Из-за терзавших его мыслей кусок не лез в горло. Даже огромная миска шкворчащей, лоснящейся от жира свинины с чесночными стрелками показалась ему безвкусной, будто пресная солома.

После ужина он наскоро обтерся влажным полотенцем и рухнул в постель. Дневные передраги выжали из него все силы, и он мгновенно провалился в тяжелый сон без сновидений. Когда он проснулся, за окном стояла глубокая ночь. На столе тускло теплился масляный светильник.

Чжао Лои все еще не ложился. По своему обыкновению он сидел в крайне развязной позе, бесцеремонно взгромоздив одну ногу на табурет.

— Учитель... — позвал Ли Мэн хриплым со сна голосом.

— Спи давай, — не оборачиваясь, велел Чжао Лои.

— Бурчит еще... — пробормотал Ли Мэн под нос. — Как это я буду спать, если уже проснулся?

Чжао Лои пропустил его ворчание мимо ушей. Он ловко затянул узел на нитке и с негромким хрустом перекусил ее зубами.

— Что это ты делаешь? — любопытствовал парень, приподнимаясь на локте.

Чжао Лои недовольно зыркнул на него, но все же ответил сквозь зубы:

— Времени у нас в обрез, завтра на рассвете убираемся из Юньиня. Твоей новой одежкой я обзавестись не успел, вот и ушиваю свои старые шмотки, чтобы ты в рукавах не путался да под ногами не мешался.

В комнате повисла тишина. Чжао Лои удивленно вскинул бровь и обернулся. Ли Мэн с головой зарылся в одеяло, которое теперь мелко подрагивало. Мужчина невольно мягко улыбнулся.

— И из-за такой ерунды стоит реветь?

Ли Мэн промолчал. Лишь спустя пару минут он осторожно высунул нос из-под одеяла. Глаза его действительно были подозрительно влажными.

— Учитель... А почему Сяо Чанчу больше не твоя шимэй? Ей надоело наше ремесло? — спросил он, маскируя внутреннее волнение невинным любопытством. Сяо Чанчу и сейчас резала людей без малейшего колебания, так что дело явно было не в нежелании проливать кровь.

Чжао Лои в мгновение ока посмотрел на него ледяным взглядом. Он долго и пристально всматривался в лицо мальчишки.

— С чего такие вопросы? Встретил ее, что ли?

У Ли Мэна испуганно екнуло сердце. Из всех сил изображая неподдельный ужас, он замотал головой:

— Да бог с тобой! Встреть я ее — со страху бы на месте окочурился!

Чжао Лои покачал головой, не зная, злиться ему или смеяться. Он в сотый раз проклял тот день, когда поддался на уговоры генерала Чэнь Шо. И о чем он тогда думал? Неужели ему так сильно не хватало пары монет на кувшин доброго вина? Впрочем, настоящему мастеру боевых искусств не подобает сокрушаться о сделанном.

— Вырастешь — узнаешь, — буркнул Чжао Лои.

Он повесил ушитый наряд на деревянную вешалку, задул светильник и лег в постель.

Этот день принес Ли Мэну слишком много страхов. Душа его металась, и ему неосознанно хотелось прильнуть к надежному плечу Чжао Лои, напиться его силой, но подойти открыто он робел. Лишь когда в темноте раздалось мерное, глубокое дыхание наставника, Ли Мэн робко подошел ближе, прижал свои озябшие ступни к его теплой голени и наконец забылся глубоким сном без сновидений.

<http://bllate.org/book/18266/1758560>